

ВРЕМЯ ТВОРИТЬ

БОЛЬШОЙ полезный урок получили работники искусства и литературы на встрече с руководителями партии и правительства в Кремле.

На меня, человека, уже порядком прожившего и много повидавшего, эта встреча произвела действительно неизгладимое впечатление. Особенно меня поразила та большевистская страстность и непоколебимая убежденность, с которой Н. С. Хрущев отстаивал позиции партийного, революционного и реалистического искусства.

В его большой, яркой речи, горячих, острых, а иногда и гневных репликах я находил ответ на многие вопросы, стоящие сегодня перед всеми нами.

А вопросов, трудных и сложных, у нас действительно накопилось порядочно, потому что довольно много, если сказать откровенно, мы за последнее время в нашем искусстве напутали.

Настолько много, что зачастую становилось просто как-то неудобно и даже стыдливо и за многие наши кинокартины, и за дела нашего творческого союза, и за самовлюбленность, ячество и крикливую нескромность некоторых молодых мастеров, и за целый ряд демагогических, иногда не совсем умных, иногда явно ошибочных выступлений наших режиссеров и теоретиков.

Неудобно порой делалось и за профессиональную беспомощность, дилетантизм, и за средний уровень общей культуры иных «творцов кино», и за тот порядок, вернее — беспорядок и анархизм, которые были и есть еще до сих пор в нашем тематическом планировании, и за беспринципное иногда выдвижение не «по таланту», а бог знает, по каким причинам, новой режиссуры.

Особенно неприятно сейчас вспоминать те архивалебные и крикливые статьи иных уважаемых критиков, в которых они поднимали на щит «славы и побед» многие фильмы, явно этого не заслуживающие, называя их «откровением» и чуть ли не «новой эпохой» в нашем киноискусстве... И наоборот, ругали или замалчивали те картины, которые противоположны их вкусам, их пристрастию, но которые имеют заслуженный успех у народа.

Не очень приятно вспоминать и некоторые теоретические высказывания наших мастеров, в которых они с необычайной категоричностью отстаивали и утверждали как единственно правильное направление в нашем искусстве лишь то, что присуще их творческой манере, то есть единственное, что они только сами умеют...

Прочитав эти строки, иной читатель, быть может, спросит: неужели в нашем киноискусстве все так плохо?

Нет, почему же, далеко не все. Есть у нас и хорошие и даже очень хорошие картины. Есть и бесспорно талантливая молодежь, и ее, кстати, не так уж мало. Она смело ищет новых форм и средств выражения. Ее руками сделан в последнее время ряд интересных картин.

Есть у нас и прекрасно оборудованные и хорошо оснащенные новейшей техникой киностудии. Они есть сейчас не только в Москве, но почти во всех наших республиках.

На этих студиях работают свои, национальные творческие кадры, и работают неплохо, свидетельствуя тому — целый ряд интересных и своеобразных картин, таких, как «Земляк», «Ледоход», «Ты не сирота», «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Дети Памира» и другие.

Отрадно и то, что за последнее время у нас устанавливается хороший, дружеский контакт с литературой. Писатели, молодые и опытные, пришли на наши киностудии, в наши творческие объединения, в сценарные редколлегии и не только пишут для нас сценарии, но и повседневно бок о бок работают с нами.

Это весьма и весьма многообещающее явление, так как литература — основа основ всех наших кинокартин.

Очень хотелось бы, чтобы подобный контакт и дружба установились у нас и с Союзом композиторов. Лично я с большой радостью вспоминаю свою работу с И. Дунаевским, Т. Хренниковым, Н. Крюковым над созданием целого ряда кинокартин. В тесном содружестве с композиторами делал свои картины Г. Александров. К сожалению, за последнее время у нас мало появляется музыкальных картин, мало веселых музыкальных комедий, и наши друзья композиторы должны бы нам в этом помочь.

Огромная забота и неослабное внимание партии к нашему искусству — все это говорит о том, что возможности для творчества, для создания нужных, хороших картин у нас большие.

Дело только за нами, за «творцами», так сказать. К сожалению, мы сами не всегда делаем то, что надо. Не о том главным, большом, радостном и героическом, что есть в нашей жизни и что было в прошлом у нашего народа и партии, рассказываем мы в наших картинах.

Не на те темы и не на тот материал мы зачастую ориентируем нашу молодежь.

И если уж пришлось к слову, то хочу сказать и о том, что не совсем правильно мы и воспринимали.

Некоторые руководители молодежи похожи на восторженных «дам-патронесс», изнемогаю-

Иван ПЫРЬЕВ

щих от умиления при каждом шаге их воспитанника. Они суетятся вокруг начинающего художника, ссылая и причитая: «Ах, миленький, ах, молоденький! Да какой же ты у нас гениальный!». Они падают в обморок, если кто-либо из питомца, не дай бог, покритикует: «Помилуйте, как это можно!». Они уверены, что оказывают огромную услугу своему «детичку», кудахтая вокруг него и восхищаясь всем, что бы он ни сделал, что бы ни сотворил...

Мы принесли бы большую пользу Марлену Хуциеву, картина которого «Застава Ильича» была подвергнута резкой партийной критике Н. С. Хрущевым, если бы своевременно и категорично указали на ошибки и недостатки его картины, заложенные еще в сценарии. Надо было решительно предложить режиссеру подумать об идейной концепции его картины и исправить ее. Времени для этого было вполне достаточно, ведь картина вместо одного года, положенного по плану, находилась в производстве уже более двух с половиной лет.

То, что произошло с картиной «Застава Ильича», — это один из наиболее печальных примеров либерального отношения к ошибкам и заблуждениям наших молодых товарищей. Но пример этот, к глубокому сожалению, далеко не единичен. Можно было бы привести и целый ряд других, может быть, не таких разительных и печальных, но также весьма характерных для той некритической, благодушной атмосферы всепрощения и восхваления, которая за последнее время появилась в нашем искусстве.

Я убежден, что никто и нигде не может сказать, что у нас в кинематографии плохое отношение к молодежи. Свидетельство тому — огромное количество дебютов молодых мастеров всех творческих профессий за последние пять лет. 75 режиссеров, 60 операторов, десятки сценаристов, актеров, художников заявили за это время о себе своими первыми самостоятельными работами.

Наш молодой режиссер, как правило, получает постановку почти сразу же по окончании института, а иногда даже еще не окончив его. Государство отпускает на его работу большие суммы. Он сам выбирает для себя сценарий, сам подбирает актеров и входит как хозяин в павильоны киностудий, смело пробуя свои силы в искусстве.

Должен сказать, что наше поколение, начавшее свою киножизнь в ветхих, убогих ателье на «Житной» или на «Брянке», где мы годами бегали в «помрежах» и «ассистентах», могло бы горячо позавидовать сегодняшней молодежи, приходящей прямо из киноинститута в чудесные павильоны современных киностудий. Мы могли бы позавидовать и тому, что они растут в замечательное время, когда открыт такой простор для творческих дерзаний.

Но мы не завидуем, а радуемся тому, что новое поколение так хорошо начинает свою творческую жизнь. Радуемся и в то же время беспокоимся, беспокоимся за направление их творчества, за уровень их знаний и культуры, за их мастерство, за их общественный темперамент и за их гражданственность.

Почему мы так много думаем, спорим, говорим и беспокоимся о нашей молодежи? Да прежде всего потому, что она, молодежь, занимает сегодня ведущее место в нашем киноискусстве. Еще и потому, что она — будущее нашего искусства, его завтрашний день.

Мы гордимся тем, что у нас выросла чудесная, одаренная молодежь (если говорить о ней в целом). Мы радуемся, когда она стремится к новым высотам в искусстве, когда она страстно хочет выразить в своем творчестве гражданские идеалы нашего времени.

Но мы будем резко критиковать тех из молодых, кто забудет славные традиции своих отцов, сойдет в своем творчестве с народных позиций и попадет под влияние враждебного нам буржуазного кино.

От дружной сплоченности всех наших поколений, от обоюдного искреннего уважения друг к другу, от взаимопомощи, советов и откровенной доброжелательной критики творчества друг друга очень многое зависит в нашем кинематографе.

Мы часто, как и подобает людям искусства, спорим в своей среде: о темах, о сюжетах, о творческих направлениях, о манерах, о различных способах вторжения нашего искусства в жизнь, о воспитании молодежи, — и это хорошо! Споры помогают двигаться вперед.

Но в одном решающем и главном мы всегда и все едины, независимо от художественного пристрастия и таланта: высшей целью творчества каждого из нас мы считаем искреннее, глубоко преданное служение великому делу коммунизма.

Это есть основа основ всего советского киноискусства.

— **Наша партия**, — сказал Н. С. Хрущев, — **считает советское киноискусство одним из самых важных художественных средств коммунистического воспитания народа.**

Наше искусство — искусство миллионов. И прежде чем начинать ставить ту или иную картину, надо всем — и режиссеру, и редколлегии, и директору — хорошо подумать: Ну, а для чего она, эта картина? О чем? Что нового, интересного расскажет она нашему зрителю? Чем обогатит его ум, душу, сердце? Доставит ли она ему эстетическое наслаждение? И, наконец, самое простое и, с точки зрения некоторых критиков, даже вульгарное: даст ли она зрителю отдых и развлечение за его трудовые денежки?.. Об этом мы все почему-то нередко забываем, когда запускаем, снимаем и заканчиваем наши картины.

Чем, как не этим, можно объяснить то, что за последнее время даже наши относительно лучшие картины весьма однообразны по своему жанру, по своей драматургии, по выбору тем и составу персонажей (три мальчика плюс одна девочка или дети, дети, бесконечные дети...)?

Многие наши картины, как правило, однотонны и неизменно растянуты. 30—40 метров идет по улице молодой человек, идет, идет, и больше ничего. Длинной панорамой метров 60—80 едет по шоссе «Москвич», едет, едет, и больше ничего... 30 метров, минуя 8—10 пролетов, сбегает по лестнице юноша. По 20 метров — ничего не выражающие, ложномногозначительные крупные планы лиц. По 40—50 метров бесконечных проходов по улицам... Где мера? Где лаконизм? Где ритм? Где самоограничение художника? И где, наконец, кинематографичность? Почему все так до невозможности затянуто и перетянута, что иногда просто похоже на съемку «рапидом»? Не отсюда ли получают-ся две-три серии там, где с трудом может быть только одна? Ведь темп и ритм нашей жизни быстрый, деловой, энергичный, он никак не похож на ту вяловатую тяготию, которую зритель зачастую видит на экране.

И не говорим ли все это о том, что мы с каких-то пор стали де-

лать фильмы без учета очень важной задачи нашего искусства — овладеть вниманием и чувствами зрителя, потрясти его драматизмом действия, развеять юмором, обогатить, а может, и поразить каким-либо открытием, идеей, мыслью или ярким человеческим характером?

Мы часто рассказываем нашему зрителю о том, что он сам глубже и лучше нас знает. И рассказываем плоско, примитивно, без полета фантазии.

Давайте вспомним с вами некоторые фильмы 30-х годов, такие, как «Чапаев», трилогия о Максиме, «Депутат Балтики», «Мы из Кронштадта», «Петр Первый», «Цирк», «Встречный».

Эти во многом новаторские, значительные по мысли, интересные по форме картины были самыми популярными у зрителя, и в то время не было такого разительного разрыва, таких «ножниц» между шедеврами искусства и «кассовыми» фильмами, как сейчас.

Мы часто ругаем прокатчиков за то, что они, как бы потакая дурным вкусам, делают ставку на картины сомнительного качества, такие, как «Раскодия» или «Человек-амфибия». Но давайте подумаем и о другой стороне вопроса.

Почему у нас за последние пять-шесть лет нет хорошего музыкального фильма, который вытеснил бы эту импортную рапсодию?

Почему не сделан хороший фильм такого жанра, как «Человек-амфибия», картина, которая удовлетворила бы естественную тягу зрителя к романтике, к научной фантастике, отвечала бы его стремлению увидеть на экране умных, смелых и, не будем бояться сказать это, физически красивых, привлекательных героев и героинь?

Почему созданные приключенческих и спортивных фильмов чаще всего отодвигаются на откуп таким режиссерам, которые делать их не умеют?

Почему новаторские поиски нашей молодежи ведутся главным образом в области лирико-философской драмы и почти не касаются ни комедий, ни музыкального фильма, ни других особенно любимых народом жанров?

Потому что, снимая свои картины, мы, как я уже сказал, забываем главное — для кого и зачем мы их делаем.

И глубоко прав Н. С. Хрущев, когда сделал нам, киноработникам, строгий упрек. «Большое беспокойство, — сказал он, — вызывает то обстоятельство, что в кинотеатрах демонстрируется множество весьма посредственных кинокартин, убогих по содержанию и немощных по форме, которые раздражают или повергают зрителей в состояние сонливости, скуки и тоски».

Эти слова, как бы ни были они для нас прискорбны, вполне справедливы и своевременны. Их говорит нам не только Никита Сергеевич, их говорит нам вся партия, говорит весь народ. И мы, как верные помощники партии, как истинные художники своего народа, обязаны серьезно задуматься над этими словами.

Наше искусство должно быть источником бодрости и энергии, оно должно не подавлять, не угнетать, а усиливать способность к действию, к труду, к борьбе. Наши картины ежедневно смотрят миллионы людей, оно проникает в самые отдаленные районы нашей страны, и мы, кинематографисты, обязаны сделать все, чтобы советский народ — строитель коммунизма обрел в искусстве кино хорошего, верного друга, доброго попутчика своей жизни.